

Уютный детектив

**Еда,
собаки
и
расследование**

Даниил Иваков

Даниил Иваков

Еда, собаки и расследование

<https://litres.ru/74136244>

SelfPub; 2026

Аннотация

София с детства мечтала стать следователем и разгадывать самые запутанные загадки. Но жизнь распорядилась иначе: в свои двадцать пять она работает бухгалтером в маленьком провинциальном городке и тоскует по приключениям. Всё меняется, когда в городе происходит убийство — прямо в день её рождения. Подозрение падает на самого близкого человека — маму Софии. Теперь девушке придётся применить все свои детективные способности, чтобы найти настоящего преступника. Случайная встреча с другом детства, ставшим следователем, запутывает и без того сложный клубок профессиональных и личных отношений. Распутывая нити преступления, София погружается в воспоминания о своём первом деле, которое она раскрыла ещё в детстве у бабушки в деревне.

«Еда, собаки и расследование» — это уютный детектив о том, что самые сложные загадки часто скрываются не в уликах, а в человеческих сердцах.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	18
Глава 3.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Даниил Иваков

Еда, собаки и расследование

Глава 1.

Солнце только-только начало золотить макушки сосен за окном, когда в маленькой деревушке, уютно устроившейся в излучине тихой речушки, в маленьком старом домишке с резными наличниками проснулась София.

Домик этот, хоть и помнил еще прадедов, был на удивление крепок и ухожен. Заботливые руки не давали ему ветшать: ставни всегда были выкрашены веселой голубой краской, наличники подновлены, а крыльцо ни разу не скрипнуло под ногами. Внутри пахло деревом, сухими травами и чем-то еще, неуловимо родным и теплым.

Комнатка девочки была под стать всему дому. Старенький, но добротный шкаф с облупившимся лаком на дверцах хранил в себе нехитрое богатство — платица, сарафанчики и кофточки. На полу лежал плетеный круглый коврик, сплетенный бабушкой из разноцветных лоскутов, и на самом его видном месте красовалось небольшое чернильное пятнышко в форме звездочки. Это год назад сама София, тайком взяв

бабушкину ручку, захотела нарисовать на коврике принцессу и потерпела сокрушительное поражение в битве с чернилами. Коврик не выбросили, а пятнышко так и осталось — как память о том, что даже в оплошностях бывает свое очарование.

Сама виновница этого художественного беспорядка сейчас лежала в кровати, раскинувшись звездочкой. Это была маленькая рыжая девочка, чьи волосы сейчас напоминали облако медных кудряшек, весело торчащих во все стороны. На ней была смешная пижама нежно-голубого цвета, сплошь усеянная маленькими толстыми единорожками с золотыми рогами. София открыла глаза и сладко, протяжно зевнула. Сегодняшнее утро отличалось от всех остальных. В воздухе будто разлилось предвкушение чуда. Она чувствовала это кончиками пальцев.

Потянувшись так, что руки коснулись спинки кровати, София спрыгнула на теплый пол и первым делом подошла к стене, где висел новенький отрывной календарь с пушистыми котиками. Она встала на цыпочки, взялась за уголок листочка и с трепетом, замирая сердцем, оторвала его. На новом листочке крупными цифрами красовалось: «23 августа». День рождения! Ей исполнилось пять лет!

Счастливая улыбка озарила ее лицо. Она прижала листочек с котиком к груди, покружилась на месте и отправилась умываться.

Умывалась София, как всегда, досконально. Она стара-

тельно терла каждый зубик щеткой, намыливала руки так, что они превращались в белые пушистые варежки, умывала лицо, не забывая потереть глаза и тщательно, до блеска, вымыть ушки.

Когда с водными процедурами было покончено, в ноздри ей ударил волшебный запах. Он не просто доносился с кухни — он протекал по всем комнатам, как невидимая река, он манил, щекотал нос, обещал что-то невероятно вкусное. Пахло свежими, только что испеченными блинами, топленым маслом и чем-то сладким. Следуя за этим ароматом, как за путеводной нитью, София вышла из своей комнаты и, миновав небольшой коридор, где на стене висел старый, но все еще исправно тикающий ходики, заглянула на кухню.

Кухня была сердцем дома. Старенький буфет с выцветшими салфетками, вышитыми крестиком, хранил за стеклянными дверцами бабушкины чашки и тарелки. В углу притаилась печка, еще хранящая тепло со вчерашнего дня, а у окна, залитая утренним солнцем, стояла бабушка Нина.

Это была статная, немного грузная женщина с добрым, словно испеченным из того самого теста, что шло на блины, лицом и быстрыми, ловкими руками. На ней был простой ситцевый халат в мелкий цветочек и белый платок, повязанный на голове. Она ловко орудовала сковородой, и на стопке, стоящей рядом, росла гора румяных, кружевных блинчиков.

— С днём рождения, мое солнышко! — обернулась бабушка, и глаза ее засияли теплом. — Проснулась уже, охот-

ница до загадок?

— Спасибо, бабуль! — София обняла бабушку, прижавшись щекой к ее мягкому боку. — А что за подарок?

— Подарок? — бабушка Нина хитро прищурилась и кивнула на стену, где висел еще один календарь, на этот раз православный. — А ты сначала листочек оторви. День-то какой — особенный.

София, пыхтя от усердия, пододвинула табуретку и аккуратно оторвала листочек с календаря.

— А теперь слушай, — бабушка присела перед ней на корточки и заговорщицки понизила голос. — Твой подарок уже ждет тебя. Но он спрятан. И путь к нему долог и полон опасностей. Только самые отважные, самые сообразительные смогут найти его.

Глаза Софии загорелись восторгом. Она обожала такие игры.

— Я не боюсь! Я все смогу! — воскликнула она, прижимая кулачки к груди. — Говори, что делать!

Бабушка Нина улыбнулась и, глядя в эти горящие азартом зеленые глаза, произнесла первую загадку:

Днем спит на ней подушка,

А по ночам — Андрюшка.

У нее четыре ножки,

Но не ходит по дорожке.

На ней мы спим и видим сны,

До самого прихода весны.

София на мгновение замерла, нахмутив бровки, ее рыжие кудряшки, казалось, зашевелились от напряженной работы мысли. И вдруг лицо ее озарилось догадкой.

— Кровать! Это же моя кровать! Бабуль, как легко! — радостно закричала она и, не дожидаясь ответа, вихрем сорвалась с места.

— Удачи, следовательно! — крикнула ей вслед бабушка Нина, и ее тихий смех растворился в топоте маленьких ножек.

София влетела в свою комнату и принялась за обыск. Она скинула подушку — ничего. Запустила руки под простыню — пальцы наткнулись на что-то хрустящее. Она вытащила аккуратно сложенный листок бумаги. Развернув его, она увидела нарисованное желтым карандашом солнышко с длинными лучиками и новую загадку, написанную аккуратным бабушкиным почерком:

В доме том стоит жара,

И не нужен свитер.

Пар клубится до утра —

Там ищи подсказку, друг!

— Баня! — догадалась София мгновенно.

Игра становилась все интереснее. Сжимая в руке листок с солнышком, она снова выбежала на кухню и, пролетев мимо бабушки как маленькая рыжая комета, понеслась к входной двери.

— Уже бежишь? — только и успела спросить бабушка.

София, не сбавляя хода, натянула на босые ноги легкие

шлепанцы, стоящие у порога, и выскочила на крыльцо. Двор был залит утренним светом. Трава, еще влажная от росы, блестела. София побежала по дорожке к старой, почерневшей от времени бане, стоящей в глубине сада. Пробегая мимо кухонного окна, она на секунду обернулась и увидела в окне улыбающуюся бабулю, которая смотрела ей вслед.

В бане пахло березовыми вениками, сухой травой и сырватым деревом. София остановилась посреди предбанника и перечитала подсказку. «В доме том стоит жара Пар клубится до утра». Все верно, она в бане. Но где именно искать? Она принялась за дело. Заглянула туда, где стояли тазики и скамейки. Обшарила угол возле старой железной бочки с водой, заглянула за нее. Сунула нос к печке — ничего, только зола и холодные камни. Она заглянула под лавку — пусто.

София выпрямилась, перевела дух и перечитала загадку еще раз. В доме том стоит жара От чего же в бане становится жарко? От печки. А что дает печке жар? Она задумалась и вдруг хлопнула себя по лбу. Дрова! Чтобы стало жарко, нужны дрова. А дрова лежат не в самой бане, а снаружи, у стены, сложенные в аккуратную поленницу.

Она тут же выскочила из полумрака бани на улицу и направилась к поленнице. Внимательно осмотрела ровные ряды березовых и сосновых поленьев и вдруг заметила краешек белой бумаги, торчащий между двумя пузатыми бревнышками. София осторожно потянула за уголок и вытащила сложенную гармошкой записку. На ней был нарисован пес

— с большими ушами и колечком хвоста.

Развернув, она прочитала:

Собака — друг человека, но жить с тобой в одном доме она не может. У нее есть свой дом.

— Найда! Дедушкина собака! — прошептала София и побежала к собачьей будке.

Будка была большой и добротной, сколоченной дедушкой из толстых досок. Самой Найды не было — она вместе с дедушкой Мишей с раннего утра ушла пасти коз. София заглянула внутрь — в будке было пусто. Она присела на корточки и обшарила миски, стоящие рядом, заглянула под них. Ничего. Девочка задумалась. Где еще могла бабушка спрятать подсказку в «собачьем доме»? Недолго думая, она решилась. В своей любимой пижамке с единорожками она встала на четвереньки и заползла в будку.

Внутри было темно и пахло собакой и сухим сеном. Она пошарила руками по полу, ощупала стены. Ничего. Разочарованно вздохнув, она начала разворачиваться, чтобы вылезти обратно, и вдруг, подняв голову вверх, прямо над входом, под самой крышей, увидела его. Крошечный, сложенный в несколько раз листок бумаги, засунутый в щель между досками.

— Ага! — торжествующе прошептала она, схватила его и, пятясь задом, выбралась на свет.

Она отряхнула с пижамы прилипшие травинки и развернула добычу. На бумажке был нарисован маленький домик с

окошком и трубой. Внутри было написано:

Хорошо иметь соседей. Они всегда помогут. Особенно если эти соседи — твои родственники.

София сложила листок и широко улыбнулась. Ей не нужно было даже думать. Бабушка Света, родная сестра бабушки Нины, жила с дедушкой Игнатом всего через два дома. Это был не просто соседский дом, это был второй родной дом.

Она выбежала за калитку и понеслась по проселочной дороге, поднимая шлепанцами облачка пыли. Вдруг дорогу ей преградила тетя Алина. Она была высокая, статная, с гордой осанкой и длинной русой косой, перекинутой через плечо. Ее лицо было по-настоящему красивым, с точеным носом с горбинкой, придававшим ей особое благородство, и яркими карими глазами. На ней было легкое летнее платье, а в руках — пакеты, с которыми она, видимо, только вышла из машины.

— София! Карамелька моя! С днем рождения! — воскликнула она, раскидывая руки.

— Тетя Алина! Спасибо! — звонко закричала София и попала в теплые, пахнущие духами объятия.

— Ох, какая ты уже большая! Ну-ка, по традиции — Тетя Алина, отстранившись, взялась за уши именинницы и легонько потянула их вверх. — Расти большая-пребольшая!

— Ой, тетя! — засмеялась София, вырываясь из ее рук. — Я спешу! Мне загадку разгадывать надо!

И, не дав тете Алине даже ответить, она помчалась даль-

ше. Пробежав мимо дома соседней дяди Пети, она подбежала к калитке дома бабушки Светы. Не заходя во двор, она забарабанила кулачком в окошко. Через мгновение занавеска отодвинулась, и выглянула бабушка Света — более сунхоньякая, чем сестра, шустрая, с вечно выбивающейся из-под платка прядкой седых волос. Увидев Софию, она просияла и замахала рукой, приглашая в дом.

София вбежала в дом и с порога окунулась в совершенно иную атмосферу. Здесь тоже было старенько, но в отличие от дома бабушки Нины, царил легкий, какой-то уютный беспорядок. Дедушка Игнат, муж бабушки Светы, питал страсть к собирательству всякого, как говорила бабушка Нина, «барахла». На старом комодe громоздились старые радиоприемники и катушки с леской, рядом, на табуретке, стояла банка с шурупами, а на подоконнике лежала стопка старых журналов «Наука и жизнь». Но среди этого хаоса чувствовалась жизнь и своя, особая теплота.

— Внученька моя! Ангелочек! С днем рождения! — бабушка Света всплеснула руками и бросилась к ней, заключив в объятия. — Счастья тебе, моя сладкая, здоровья крепкого, как дубок, расти умницей и красавицей, радуй бабушку с дедушкой!..

Она все говорила и говорила, осыпая лицо девочки градом поцелуев. София стоически выдержала этот шквал любви, и когда бабушка наконец перевела дух, тихо, но настойчиво спросила:

— Бабуль Свет, а где мой подарок?

— Ах ты ж, память моя девичья! — спохватилась бабушка Света. — Подарок! Как же! Сейчас-сейчас.

Она скрылась в комнате и вышла оттуда с нарядным пакетом, усыпанным мелкими цветочками. София заглянула внутрь и ахнула. В пакете лежало чудо — легкое летнее платьице, нежно-зеленое, как молодая травка, и все в белый горошек. Рядом лежала упаковка ее самых любимых конфет — шоколадных трюфелей.

— Какая красота! — выдохнула София, но тут же опомнилась. — Бабушка, это подарок от тебя, да? А я ищу подарок от бабушки Нины. У нас игра, я иду по подсказкам!

Глаза бабушки Светы озорно блеснули.

— Ах, вот оно что! — она заговорщицки подмигнула. — Ну, тогда слушай. Бабушка Нина просила передать, когда доберешься до меня:

Там, где солнце всходит, а трава растет выше, ты найдешь, что ищешь.

София нахмурилась. Это была самая сложная загадка за все утро.

— Где солнце всходит, а трава растет выше — пробормотала она, перекатывая слова на языке, но смысл ускользал. — А что это значит, бабуль Свет? Я не понимаю

Она подняла на бабушку свои большие голубые глаза, и столько в них было растерянности и мольбы, что бабушка Света дрогнула. Вздохнула, покачала головой, но улыбка

тронула ее губы.

— Ох, Нина мне этого не простит, — пробормотала она себе под нос, а потом, сжалившись над жалостливым личиком внучки, сказала: — Ладно уж, так и быть. Мне сдается, что это про выпас. Где наш дедушка Миша своих козочек пасет. Там, за огородами, у речки.

— Спасибо, бабуль Света! — закричала София, чмокнула ее в щеку и, схватив пакет с платьем и конфетами, выскочила за дверь.

Она понеслась обратно к своему дому, пролетела мимо калитки и побежала мимо огородов — и своего, и соседских. Тропинка была протоптана многими ногами и уходила вниз по довольно крутому склону, так что Софии приходилось притормаживать, чтобы не скатиться кубарем. Вдоль тропинки тянулись грядки с морковкой, картошкой, свеклой — все ровные, ухоженные, нигде ни травинки лишней. А впереди, там, где огороды заканчивались, начинался выпас. Трава там и правда росла выше, но не в пояс, конечно, — все же козочки ее исправно щипали, и она была невысокой, мягкой, стелющейся по земле зеленой волной.

Внизу, у самой воды, под старой раскидистой ивой, она увидела дедушку.

Дедушка Миша, худощавый, с загорелой до черноты кожей, лежал на траве, надвинув на лицо свою любимую соломенную шляпу. Его впалые щеки и обвисшие, как у мудрой черепахи, щеки говорили о прожитых годах, но когда

он улыбался, а улыбался он часто, его яркие-яркие, пронзительно-голубые глаза загорались таким молодым светом, что морщины разбежались в стороны. Рядом, положив морду на лапы, спала Найда, а чуть поодаль мирно пощипывали траву козы.

Казалось, дедушка тоже спит. София на цыпочках, стараясь не шуметь, подошла к нему и легонько толкнула в плечо.
— Деда! Деда Миша!

Дедушка вздрогнул, медленно приподнял шляпу, и на Софию взглянули два озера чистейшей голубизны. Узнав внучку, он расплылся в улыбке.

— А-а, Софья Александровна! Явилась, не запылилась! Пришла все-таки? — проскрипел он веселым, чуть хриловатым голосом.

— Пришла! — гордо заявила София. — Я все бабушкины загадки разгадала!

— Ну, герой! Поздравляю, внученька! — дедушка Миша сел, отложив шляпу, и обнял ее одной рукой. — Расти большая и счастливая, не болей, слушайся бабушку, а меня не слушай, я и сам не знаю, что говорю! — он подмигнул ей и, повернув голову в сторону кустов малины и ежевики, зычно крикнул. — Нин! Мать! Выходи давай! Наш следователь на месте!

София удивленно уставилась на кусты. И как она ее не заметила? Кусты были ей примерно по плечи, но среди зеленой листвы фигуру бабушки она бы точно разглядела. И тем не

мене, оттуда, словно по волшебству, выплыла бабушка Нина, бережно держа в руках запечатанную картонную коробку. Казалось, она пряталась там с самого начала, слившись с зеленью.

— С днём рождения, моя умница! — сказала бабушка, подходя ближе. — Рассказывай, как поиски? Понравилось?

— Было так здорово! И так весело! — тараторила София, перепрыгивая от нетерпения с ноги на ногу. — Я все нашла! Ну, почти С последней загадкой мне бабушка Света помогла. Я не понимала, а она сказала про выпас.

Бабушка Нина улыбнулась, но в ее глазах мелькнуло что-то наставительное.

— Это хорошо, что дошла, — сказала она, опускаясь перед внучкой на корточки. — Но запомни, София: твоя голова — твой главный помощник. Бабушка Света помогла, и я рада, что ты здесь. Но смотри: солнце всходит — это восток, за лесом. А трава растет выше там, где вода близко. Потому и козочки наши здесь пасутся, у реки. Все в мире связано, нужно только научиться смотреть шире и развивать кругозор. Тогда любая загадка по зубам. Ну, открывай скорее подарок!

Дрожащими от нетерпения пальцами София разорвала упаковку и открыла коробку. Внутри, в аккуратных ячейках, лежал набор юного следователя. Там была и лупа с настоящим увеличительным стеклом, и блокнот для улик, и набор для снятия отпечатков пальцев, и, самое главное, — толстая

книга в яркой обложке: «Более 100 головоломок, загадок и тайн для юных сыщиков».

Счастью Софии не было предела. Она обожала загадки. Она обняла коробку, прижав ее к груди, и посмотрела на бабушку и дедушку сияющими от восторга глазами. Это был самый лучший день рождения в ее жизни. И он только начинался.

Глава 2.

Двадцать лет — срок немалый. Достаточный, чтобы маленькая рыжая девочка, обожавшая загадки и с восторгом залезавшая в собачью будку в пижаме с единорожками, превратилась в двадцатипятилетнюю девушку, которая просыпается не от солнечного света, а от настойчивой трели будильника.

София лежала на кровати, раскинувшись звездочкой, — эта привычка осталась с ней с детства, — и смотрела в потолок без всякого энтузиазма. За окном сияло солнце, обещая погожий августовский денек, но внутри у нее царила пасмурная погода.

Она нехотя села, спустив ноги на пол. С годами она стала стройной, подтянутой — спасибо подругам, которые силком, но исправно таскали ее в спортзал хотя бы пару раз в неделю. Черты ее лица оформились в настоящую, спокойную красоту: маленькие, но пухлые губы, аккуратный, чуть вздернутый носик, а глаза — те самые, дедушкины, пронзительно-голубые, яркие, словно два озера под летним небом. И волосы — рыжие, в мелкую-мелкую кудряшку, облаком обрамлявшие голову, — остались при ней, никуда не делись.

Она поднялась и медленно, шаркая тапочками, направилась в ванную. Дом, в котором она жила с родителями, был побольше того, деревенского, и куда новее. Ремонт здесь сде-

лали недавно — свежий, современный. Светлые стены нейтрального бежевого оттенка, никаких тебе выцветших салфеток и стареньких буфетов. Мебель дорогая, модная, но лишенная души. Стекланный журнальный столик в гостиной, к которому страшно было прикоснуться, чтобы не оставить следов. Кожаный диван холодного серого цвета, на котором никто никогда не валялся с книжкой. На стенах — абстрактные картины в строгих рамках, купленные не потому, что понравились, а потому что подходили по цвету. Комнаты казались бездушными и пустыми, лишенными той теплоты, которую она помнила из детства, — теплоты бабушкиного дома, где каждая вещь имела свою историю.

Ванная комната сияла белизной и хромом. София машинально, без прежней веселости и старания, умылась и почистила зубы. Движения ее были точными, выверенными — привычка, въевшаяся с детства, когда бабушка учила ее делать все досконально. Но теперь это был просто ритуал, лишенный смысла. Она взглянула на себя в зеркало, поправила непослушный рыжий локон и вышла.

На кухне уже гремела посудой мама. Елена Михайловна была почти полной копией своей дочери — та же рыжая копна волос, те же черты лица, та же стройность. Разве что фигурой мама вышла еще лучше, что иногда, чего уж греха таить, бесило Софию. А еще больше бесило то, что маме было почти пятьдесят, но она совершенно не выглядела на этот возраст. Ни морщинки, ни сединки, всегда подтянутая, энер-

гичная, словно время ее не брало. Работала она завучем в школе, и сейчас, одетая в строгий, но элегантный костюм, торопливо допивала чай.

— Доброе утро, — бросила мама, глядя на часы. — Не опаздывай на работу, у тебя же конец месяца, отчетность.

София только кивнула, провожая мать взглядом. Та чмокнула дочь в щеку, схватила сумку и выпорхнула за дверь. Через минуту хлопнула входная дверь, и в доме воцарилась тишина.

София медленно подошла к кофемашине — той самой, которую выпросила у отца, когда закончила школу с отличием. Машина загудела, заурчала, и вскоре кухня наполнилась ароматом свежего кофе. Она села за стол, взяла кружку в ладони, отпила глоток и вдруг выдохнула — медленно, с каким-то горьким облегчением или, может, с разочарованием:

— Снова забыла.

Допив кофе, она пошла собираться. Работала София бухгалтером. Это был не совсем ее выбор. Когда-то давно, в детстве, она мечтала стать следователем — раскрывать преступления, искать улики, распутывать загадки. Но родители хотели, чтобы она стала врачом. Правда, в восемь или девять лет она упала в обморок, когда у нее брали кровь из пальца, и с тех пор один вид крови вызывал у нее дурноту и дрожь в коленях. О профессии врача пришлось забыть — и она сама этого не хотела. А от следователя ее отговорили мама и папа. Вернее, как отговорили — заставили пойти на что-то ме-

нее опасное и более женственное. Это тоже бесило Софию, но она смирилась. Упрямства хватило бы, но сил спорить — нет. Так она и оказалась в бухгалтерии, среди цифр, отчетов и бесконечных таблиц.

Она вышла из дома, закрыла дверь на ключ и тут же услышала гулкий, раскатистый лай. Из будки, потягиваясь и зевая во всю свою огромную пасть, вылез Князь — кавказская овчарка необъятных размеров, волосатая, похожая на небольшого медведя. София любила его, но немного побаивалась — слишком уж грозно он выглядел. Князь гавкнул еще раз, не то провожая ее, не то обижаясь.

— Увидимся вечером, — бросила она ему и вышла за калитку.

Жили они в переулке на самом краю города. Всего два жилых дома, третий — недостроенный, сиротливо глядящий пустыми проемами окон. С одной стороны открывался вид на поля, а за ними, вдалеке, темнела полоска леса, за которой угадывалась речка. С другой стороны — такие же дома, как у них. Напротив, через дорогу, стоял большой сарай соседей, в котором держали коров, кур, барашков и много кого еще. За сараем висилась огромная куча навоза, и по утрам от нее исходил особый, терпкий запах. В детстве София морщила нос, а теперь, после университета, когда вернулась в родной город, вдруг поняла, что этот запах кажется ей приятным — родным, давно забытым. Рядом с сараем росла огромная береза, мощная, раскидистая, красавица. У них же перед до-

мом такого великолепия не было — только восемь чахлах елочек у въезда в гараж да две рябины прямо перед окнами кухни. Еще — маленькие островки травки, казавшиеся смехотворными на фоне огромной асфальтированной площадки перед домом. Асфальт когда-то решил положить папа, чтобы не месить грязь по весне. Договорился с соседом, скинулись деньгами — и уже через два дня, начиная от самой трассы и заканчивая широким пластом перед домами, лежал ровный, гладкий асфальт.

София заперла калитку и пошла к остановке. В голове мелькнула шальная мысль: интересно, Князь провожал ее словами? «Уходишь на работу в свой день рождения?» Ей стало весело. Вот было бы интересно, если бы собаки умели болтать.

Она вспомнила институт, большой город, общагу. Там она чаще ходила пешком, чем ездила, хотя расстояние от общаги до университета было примерно такое же, как сейчас от дома до работы. Идти одинаково. Но здесь она предпочитала автобус. Почему? Сама не знала. Может, просто не хотелось идти.

На остановке никого не было. София постояла, поглядела на пустую дорогу и вдруг услышала звук мотора. К остановке подкатила белая иномарка — чистая, словно только что с мойки, из открытого окна доносилась негромкая музыка. Дверь распахнулась, и она увидела за рулем Вову.

Лучшего друга детства, с которым она не виделась уже

несколько лет — с тех пор, как он переехал.

София замерла, разглядывая его. В памяти Вова оставался озорным мальчишкой с вечно смешной длинной прической, полненьким, вечно грызущим ногти. Еще у него были две родинки, которые она помнила до сих пор, — у самых краешков губ, одна сверху, другая снизу. А теперь Теперь за рулем сидел совсем другой человек. Подтянутый, подкачанный, с короткой стильной стрижкой, в красивой белой футболке-поло и брюках. На лице — легкая однодневная щетина. Он выглядел так, будто только что сошел с обложки журнала. И улыбался — широко, открыто, совсем как в детстве.

— Софа! — закричал он, махая рукой. — Садись, подвезу! Куда ехать, прекрасная незнакомка?

Она подошла, чувствуя, как щеки заливают предательский румянец.

— На работу, — ответила она, садясь на переднее сиденье. — Привет, Вов.

— Привет-привет, — он тронулся с места, искоса поглядывая на нее. — Ну, рассказывай. Как ты? Как родители? Как жизнь вообще? Сто лет тебя не видел!

София отвечала, а сама украдкой разглядывала его профиль. Надо же, как изменился. Стал таким красивым. Она поймала себя на том, что краснеет еще больше, и поспешно отвернулась к окну.

— А ты, я смотрю, совсем не изменилась, — вдруг сказал Вова.

София надулась, но он тут же, заметив ее реакцию, быстро добавил:

— В хорошем смысле! Осталась такой же красивой, какой была. Честное слово.

Она не успела ответить — он уже потянулся назад, на заднее сидение, и, не отрывая взгляда от дороги, достал небольшой подарочный пакетик.

— С днём рождения, Соф, — сказал он просто.

Она взяла пакетик, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Спасибо — прошептала она, но он уже перебил:

— Кстати, я теперь следователь. В другом городе работаю, а сюда — в отпуск, к родителям. Решил вот навестить родные края.

София только покачала головой. Надо же — он стал тем, кем когда-то мечтала стать она.

Они подъехали к ее работе — небольшой кирпичной конторке, притулившейся рядом с автомойкой. Здание было старенькое, но ухоженное, с красивыми окнами и парой клумб под ними, на которых еще цвели бархатцы. Вова остановил машину.

— Чем занимаешься вечером? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила она. — А что?

— Хотел бы поболтать. И отметить твой день рождения.

Как ты на это смотришь?

София улыбнулась.

— Я тебе наберу, Шерлок, — сказала она, выходя из машины.

Он засмеялся, услышав детское прозвище, что-то ответил, но она уже закрыла дверь и не расслышала.

В офисе ее уже ждала Ольга — напарница, девушка постарше, чуть полненькая, недавно вышедшая из декрета. У нее были каштановые волосы, собранные в хвост, мешки под глазами, старательно замаскированные косметикой, и обычная офисная одежда — не вычурная, но вполне приличная.

— София! С днём рождения! — воскликнула она, всучивая ей пакет. — Вот, тут вино и конфетки. Ой, а ты уже с подарком? И кто это тебя подвез такой красивый?

— Старый друг, — улыбнулась София. — Встретились случайно на остановке. Подвез.

— Старый друг? — Ольга прищурилась. — А кем работает? А где живет?

— Следователем. В другом городе, сюда в отпуск приехал.

— Следователем! — глаза Ольги загорелись. — А почему вы его раньше не видели? А он тебе нравится?

— Мы просто друзья, — начала София, но Ольгу уже было не остановить.

— Вы в школе вместе учились? А давно вы знакомы? А встречались когда-нибудь? Первая любовь, да? А он женат? А почему ты о нем молчала? А какой он вообще? А чего ты краснеешь?

Вопросы сыпались градом, один за другим, без пауз и пе-

редышек. София открывала рот, чтобы ответить, но Ольга уже задавала следующий, и следующий, и следующий. София тонула в этом допросе, не успевая вставить ни слова, лишь беспомощно переводила взгляд с Ольги на дверь и обратно.

Спасла ее Евгения Ивановна — главный бухгалтер, вошедшая в кабинет. Это была женщина за пятьдесят, невысокая, но компенсировавшая рост неудобными, на взгляд Софии, каблуками. Полная, с короткими волосами, крашенными от седины в каштановый, в крупных очках на пол-лица и в строгом деловом костюме.

— Это что за базар? — рывкнула она, но в голосе ее слышалась скорее материнская строгость, чем настоящий гнев. — Конец месяца, отчетность, а вы сплетничаете! Быстро за работу!

Она перевела взгляд на Софию, и лицо ее смягчилось.

— С днём рождения, дорогая. Вот, это тебе.

Она протянула конверт и букет — красивые белые хризантемы в яркой розовой упаковке.

— Спасибо, Евгения Ивановна, — пробормотала София.

— Расти, умней, радуй нас, — сказала та, и в ее голосе послышались почти нежные нотки. — А теперь — за работу. Праздновать будем потом.

София хотела возразить, но не успела — Евгения Ивановна уже выпорхнула из кабинета.

Она сложила подарки в стол и принялась за работу.

Через час приехал Альберт Иосифович — ее непосредственный начальник. Невысокий, худой, с квадратным лицом, чисто выбритый, коротко стриженный, со смешными маленькими ушками. Одет он был, как всегда, в дорогой костюм, и пахло от него приятной туалетной водой — именно туалетной, а не одеколоном или духами. Он был ровесником отца, его другом, и именно поэтому юную выпускницу взяли когда-то в эту фирму. Альберт Иосифович считался в городе едва ли не самым богатым человеком: владел рестораном, автомойками, заправками, а недавно открыл магазинчик восточных сладостей — потому что его жена их обожала, а в городе ничего такого не было. И все это хозяйство обслуживали три бухгалтера, в числе которых была и София.

— С днём рождения, София Александровна! — провозгласил он, входя и доставая из-за спины огромный букет. Там было все: и розы, и хризантемы, и пионы, и гипсофилы, и матиолы. — Не знал, какие вы любите, поэтому здесь все. Будьте счастливы, молоды и прекрасны, как этот букет. У меня сейчас дела, вернусь к обеду. Не скучайте тут.

Он отшутился, подмигнул и уехал.

София смотрела на цветы, и чувства ее перемешались. Вроде бы все поздравляли, день был солнечный и хороший, но на душе все равно скреблась какая-то грусть, тоска и скука. Впрочем, от подарков и цветов стало повеселее.

Время потянулось тягуче, как патока. Она работала, принимала людей, приходивших с документами, — и почти каж-

дый поздравлял ее. Кто-то искренне, кто-то просто потому, что так положено. Ближе к обеду вернулся Альберт Иосифович, заглянул, подмигнул, спросил, как дела, и снова исчез в своем кабинете.

Наконец, в пять часов, когда рабочий день подошел к концу и все уже собирались по домам, в кабинет вошла Евгения Ивановна. В одной руке она держала бутылку с фирменной настоечкой, в другой — контейнеры с закусками.

— Так, девочки, — сказала она решительно. — У Софии юбилей, двадцать пять лет. Мы это дело отметим. И никто ругаться не станет. Ольга, ребенок с кем?

— С бабушкой, — ответила та, уже придвигая стул.

Софии выбора не оставили. Да она и не сопротивлялась.

Посидели недолго — часа два, может, два с половиной. Говорили обо всем на свете: о работе, о заботах, о мальчиках и девочках, о начальнике и его жене, о деньгах, о детях, о планах. Настоечку распили на троих. Когда расходились, долго прощались, обнимаясь и целуясь в щеки.

София вышла на улицу в легком, приятном тумане. Автобусы еще ходили, но садиться в таком состоянии в душный салон не хотелось. Она решила идти пешком.

Она шла по знакомым улицам, и воспоминания всплывали одно за другим. Вот здесь она когда-то каталась на велосипеде. А в этом дворе жила школьная подруга, с которой они потом поссорились из-за какой-то ерунды. А здесь был старый ларек, где продавали самое вкусное мороженое.

Она проходила мимо офисного здания, которое построили пару лет назад, пока она училась в университете. Когда она вернулась и увидела его впервые, оно ее поразило. Бело-синее, этажей семь, с огромной светящейся вывеской, на которой сменялись температура, время и дата. Красивый ухоженный газон перед фасадом, пара елочек, своя парковка. Оно величественно возвышалось над всем вокруг, слишком современное, слишком богатое для этого района. Районное нефтяное управление. «А у нефтяников полно денег», — привычно подумала она, проходя мимо.

Напротив, через дорогу, стояла автозаправка, а чуть дальше — здание водоканала. Совсем другое дело. Старое, обветшалое, с вечно открытыми воротами. Во дворе сиротливо стояла «газель» без колес, подпертая кирпичиками. Грустный вид. «Поэтому у нас всегда проблемы с водой», — подумала она.

Зазвонил телефон. Номер был незнаком, но она, то ли под действием настоечки, то ли просто из интереса, взяла трубку.

— Алло?

— Софа, привет! Это Вова. Ты где?

— Плетусь до дома, — ответила она, поеживаясь. Вечерний воздух оказался прохладнее, чем она думала, и легкий ветерок пробирался под одежду. — Мы немного выпили на работе, меня развезло. Иду пешком.

— А где именно? Где мне тебя искать?

— Да я уже — она огляделась. — Тут заправка эта, ну, знаешь, рядом с нефтяным управлением. Потом это как его водоканал. Иду потихоньку.

— Я понял. Стой, где стоишь. Я сейчас буду. Жди и никуда не уходи.

Она остановилась у обочины. Ждать пришлось не больше десяти минут, но за это время она успела основательно продрогнуть. Даже настоечка, согревавшая изнутри, не спасала от прохладного августовского вечера.

Подъехала белая иномарка, Вова вышел — уже переодевшийся, свежевыбритый. На нем были серые спортивные штаны, кроссовки и обычная футболка. Поверх накинута черная ветровка, которую он тут же снял и набросил на плечи Софии.

— Какой же вы джентльмен, Шерлок, — усмехнулась она, кутаясь в теплую, пахнущую его запахом ткань.

Он только улыбнулся, открыл ей дверь. Она села. Он обходил машину и на секунду остановился у фары — заметил на стекле присохшее пятнышко от мошки, провел по нему пальцем, стирая. Потом обошел машину и сел за руль. Первым делом потянулся к бардачку, достал влажную салфетку и вытер руку.

— Терпеть не могу, когда фары грязные, — пояснил он, заметив ее взгляд.

София невольно задержалась взглядом на его бицепсе. Утром она не придавала значения тому, как сильно он изме-

нился физически, — слишком была занята тем, как изменилось его лицо. А теперь, в полумраке августовского вечера, в свете фонарей, она вдруг заметила, каким он стал мужчиной. Не мальчишкой уже — мужчиной.

Они тронулись. Вова поглядывал на нее — она сидела в полудреме, с приоткрытыми глазами, укутанная в его ветровку.

— Как ты? — спросил он тихо, и в голосе его прозвучала неподдельная, ласковая забота. — Сильно устала? Как день прошел вообще?

— Нормально, — ответила она коротко, но эта теплота в его голосе тронула ее сильнее, чем она ожидала.

— А подарок мой посмотрела? Понравился?

София вздрогнула. Подарок! Она про него совсем забыла. Пакетик так и лежал в сумке, даже не распечатанный. И тут же ее пронзила другая мысль — она ведь оставила на работе все остальные подарки. И букет от Альберта Иосифовича, и хризантемы от Евгении Ивановны, и пакет с вином и конфетами от Ольги. Все осталось на столе в кабинете.

— Я еще не открывала, — призналась она, чувствуя, как краска заливает лицо. — Столько работы было А еще я, кажется, все подарки забыла в офисе.

Вова тихо рассмеялся.

— Я так и думал. Я тебе пять сообщений написал — ты не ответила. Вот и пришлось звонить.

Они подъехали к дому. Быстро. Может, она даже уснула

на пару минут и не заметила, как пролетело время.

Вова вышел, открыл ей дверь, взял под локоть и повел к дому. Князь встретил их громогласным лаем.

— Князь! Свои! — крикнула София, и лай стих.

В доме их встретил отец. Александр Сергеевич, невысокий, кряжистый, с пивным животиком, в домашних трениках и синей майке. Он стоял посреди прихожей с бутылочкой пива и, казалось, смотрел только на Вову.

— Вовка! — загремел он, даже не взглянув на дочь. — Сколько лет, сколько зим! Ну, проходи, рассказывай! Как родители? Как работа? А чего это ты в наших краях?

Отец продолжал расспрашивать Вову, полностью игнорируя Софию, которая стояла рядом, в чужой ветровке, с покрасневшими от алкоголя и прохлады щеками. Он расспрашивал о городе, о службе, о том, кормят ли там нормально. София стояла и смотрела на эту картину, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Пап! — почти крикнула она, оборвав отца на полуслове. — Я вообще-то тоже рада тебя видеть! И между прочим, это мой день рождения, если ты забыл!

Отец наконец перевел на нее взгляд и расхохотался — громко, раскатисто, от души. Подошел, обнял — крепко, по-медвежьи, поцеловал в лоб.

— Да помню я, дочка, помню. Все я помню, — сказал он нежно, и голос его дрогнул. — С днём рождения, моя рыжая. А я тебе тут подарочек припас.

Он открыл шкаф и достал большую расписную коробку. София ахнула. Это был тот самый сборник книг о Гарри Поттере, который она давно хотела, — в красивой специальной коробке, а внутри новенькие, пахнущие типографской краской книги. Дорогой, зараза. Она не позволяла себе купить его, держала в уме на случай, если вдруг разбогатеет.

— Папка! — она бросилась ему на шею, расцеловала, заобнимала, даже попыталась приподнять, но куда там.

Все посмеялись. Отношения у них с отцом были особенные — они постоянно подтрунивали друг над другом, могли смеяться над чем-то вместе, подшучивать над мамой (которая всегда обижалась). Теплые, доверительные, веселые.

В этот момент в прихожую вышла мама. Вова вытянулся по стойке смирно — совсем как в школе.

— Здравствуйте, Елена Михайловна!

— Здравствуй, Вова, — она улыбнулась тепло и ласково. — Как твои дела?

— Хорошо, спасибо.

Потом она перевела взгляд на дочь. София стояла, покрасневшая, в чужой ветровке, и вид у нее был — как у промокнувшего котенка. В мамином взгляде смешались разочарование, обида и нежность.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— На работе отметили день рождения, — ответила София. — Вова меня подвез.

Мама ничего не ответила. Она достала откуда-то из-за

цветочного горшка конверт, вручила дочери и обняла ее — крепко, по-настоящему.

— С днём рождения, моя девочка, — сказала она. — Я хочу пожелать тебе, чтобы каждый твой день был наполнен светом, как это утро. Чтобы ты никогда не забывала, какая ты сильная и умная. Чтобы все твои загадки находили свои ответы. Прости меня. Я совсем забыла, что сегодня двадцать третье. Скоро первое сентября, мы так усиленно готовимся. Совсем вылетело из головы.

Пока они обнимались, папа и Вова тихонько ускользнули на кухню. София почувствовала, как глаза щиплет. Да и у мамы тоже были глаза на мокром месте. Они поцеловали друг друга в щеки и, взявшись за руки, пошли на кухню.

Там уже суетился папа, накрывая на стол, а Вова помогал ему, расставляя тарелки. Вечер обещал быть долгим и теплым. День рождения все-таки наступил — по-настоящему, по-домашнему. И хотя София была уже взрослой, двадцатипятилетней, где-то глубоко внутри она все еще оставалась той маленькой рыжей девочкой в пижаме с единорожками, которая верила в загадки и знала, что ответ всегда где-то рядом.

Глава 3.

Следующее утро выдалось неспешным и немного туманным — по крайней мере, в голове у Софии. Она проснулась, когда солнце уже подобралось к зениту и нагло светило в окно, не задёрнутое шторой. Где-то в висках пульсировало эхо вчерашней настоечки.

София полежала ещё немного, глядя в потолок, потом медленно, с ленцой спустила ноги с кровати и поплелась в ванную. Умылась она быстро, но с прежней тщательностью — чтобы разбудить себя, смыть остатки сна и вчерашнего вечера. Пара пригоршней холодной воды в лицо, зубная щётка — и готово.

На кухне, развалившись на диване, лежал отец и смотрел телевизор. На экране мелькали кадры какого-то старого военного фильма — взрывы, крики «За Родину!», суровые лица солдат. Александр Сергеевич, не отрываясь от зрелища, скосил глаза на вошедшую дочь.

— О, проснулась. Как дела, доча? — спросил он и тут же снова уставился в экран, где как раз начиналась перестрелка.

— Нормально, — буркнула София, проходя к кофемашине.

Та заурчала, зашипела, наполняя кухню спасительным ароматом. Пока кофе готовился, София залезла в холодильник и достала вчерашние бутербродики, которые мама впо-

пыхах накрыла на стол. Она села на стул, взяла кружку, сделала первый, обжигающий глоток и потянулась за телефоном.

Лента новостей была всё такой же скучной. Но тут пиликнуло сообщение от Веры: «Готова?»

София чуть не поперхнулась бутербродом. Спортзал! Сегодня же суббота, и они должны идти на тренировку! Она быстро застучала по экрану:

«Слушай, вчера был тяжёлый день. Я как будто не очень хорошо себя чувствую. Похмелье, наверное, перебрала когда отмечала»

Ответ прилетел мгновенно:

«Не принимается! Если вчера отмечала, то сегодня как раз нужно всё растряссти. Легче будет, вот увидишь. Я уже выезжаю»

София вздохнула. Она знала Веру слишком хорошо, чтобы спорить. Если та решила, что они идут в зал, — значит, они идут в зал.

Она спокойно допила кофе, доела бутерброд, помыла кружку. Обернулась к отцу. Александр Сергеевич спал, даже не изменив позы: голова запрокинута, рот приоткрыт, одна рука свесилась с дивана, а на лице застыло выражение глубокого блаженства. София тихо прыснула, достала телефон и сделала снимок. Хихикнув, она отправилась в комнату собираться.

Складывая в сумку тренировочные вещи — леггинсы,

майку, кроссовки, — она мысленно вернулась ко вчерашнему вечеру. Как они сидели за столом, болтали, ели, смеялись. Как Вова рассказывал байки с работы — про одного незадачливого угонщика, который пытался скрыться от погони на тракторе, но запутался в трёх соснах и в итоге сам вызвал полицию, потому что заблудился и испугался темноты. Как беседа плавно перетекла в политические дебаты между Вовой и папой, но парень, заметив, что Александр Сергеевич начинает горячиться, мягко отступил — то ли из уважения к старшему, то ли просто не желая портить вечер. И как мама потом сказала: «Вова, ты умница, что остановился. Мой муж в споре как танк — давит, пока не кончится бензин». И как они потом смеялись до слёз.

И почему-то, может, из-за приезда Вовы, ей вспомнилось детство. Как однажды они нашли на берегу речки старый, потрёпанный ботинок. Подошва на носке отошла, и он напоминал раскрытый рот — смешной и немного жуткий одновременно. Сначала они просто придумывали историю этого ботинка: как он там появился, кто его потерял, как сложилась его судьба. Вовина фантазия разыгралась не на шутку — он придумал, что ботинок принадлежал шпиону, который прятал в подошве секретные документы, а сам при этом ходил по берегу и делал вид, что курит трубку, подражая Шерлоку Холмсу из старого фильма. Он так уморительно это изображал — нахмуренные брови, пронзительный взгляд исподлобья, воображаемая трубка в зубах, — что София покатыва-

лась со смеху. Именно тогда она и окрестила его Шерлоком. Прозвище прижилось. Он и правда тогда выдумал почти всю историю, а она лишь подыгрывала и подтрунивала.

Её мысли прервал громкий автомобильный гудок с улицы, а следом — телефонный звонок. На экране высветилось «Вера».

— Уже выхожу! — крикнула София в трубку, даже не поздоровавшись.

Она схватила сумку и направилась к выходу. Отец всё так же спал на кухне. София на цыпочках, стараясь не шуметь, выскользнула за дверь и тихо закрыла её за собой. Во дворе Князь даже не поднялся — только вскинул лохматую голову, посмотрел на хозяйку и снова уронил морду на лапы. «Я тебя вижу, я знаю, что ты уходишь, буду ждать», — словно говорил его взгляд. София подмигнула ему и вышла за калитку.

Вера ждала в своей машине — небольшом красном хэтчбеке, из открытого окна которого доносилась бодрая попсовая музыка.

— Ты зачем бибикала? — с улыбкой спросила София, садясь в машину. — У меня папа спит. Он всю неделю вкалывал, устал, пусть отдыхает. Хотя, если честно, он так крепко уснул, что и пушкой не разбудишь.

— Ой, прости, — Вера виновато сморщила нос. — У меня такое хорошее настроение с утра, захотелось вот так покурачки погудеть. Ну что, едем?

Вера была из тех людей, которые с первого взгляда мо-

гут показаться немного стервозными — из-за выражения лица, которое всегда выглядело чуть надменным, из-за острого черт и пристального взгляда. Нежно-розовое каре, всегда безупречно уложенное, худенькая, подтянутая фигурка. Ей было двадцать четыре — на год младше Софии. Но за этой внешней оболочкой скрывался человек редкой доброты, весёлый и отзывчивый, настоящий прилипала. Если Вера решала, что они сегодня гуляют, — они гуляли, и спорить было бесполезно. Если у Софии что-то случалось неприятное, Вера срывалась и приезжала поддержать, даже если на часах была глубокая ночь.

Познакомились они пару лет назад через общих знакомых в летнем открытом кафе, на какой-то шумной вечеринке. Поначалу не особо общались — просто пересекались в компаниях. Но постепенно поняли, что им очень комфортно вместе. Общих интересов у них было немного, но они нашли способ это исправить: каждая решила попробовать то, чем увлекалась другая. Так София открыла для себя спортзал, а Вера — книги. И обе не пожалели. Возможно, по-настоящему они сошлись на фильмах. И на красивых актёрах — как выяснилось, типаж парней у них был примерно одинаковый.

Работала Вера парикмахером. Когда-то, после девятого класса, она твёрдо решила учиться на стилиста, но для этого пришлось бы уехать в другой город. Родители сопротивлялись, но Вера умела убедить кого угодно в чём угодно. После трёх лет учёбы она вернулась, устроилась в местную па-

рикмахерскую, а сейчас, не без помощи родителей, открыла свой салон. Дела шли неплохо.

Они вырулили на главную дорогу и поехали через город. София рассеянно смотрела в окно. Проплывали мимо невысокие дома — где-то старые, ещё советской постройки, с облупившейся краской на фасадах, а где-то новенькие, обшитые сайдингом. У продуктового магазинчика толпились люди с сумками, у ларька с мороженым стояла очередь из детей. Возле небольшого сквера молодые мамы качали коляски, старики сидели на лавочках, а чуть дальше, на импровизированной сцене, репетировал местный духовой оркестр — доносились обрывки бравурного марша. Проехали мимо автобусной остановки, где скучали несколько человек, мимо парикмахерской с яркой вывеской, мимо аптеки с неизменным зелёным крестом.

Уже на подъезде к спорткомплексу София заметила в одном из переулков скопление машин — скорые, полицейские автомобили с мигалками, люди в форме и без.

— Смотри-ка, — сказала она, кивая в ту сторону. — Что там творится?

Вера бросила взгляд в зеркало заднего вида.

— Может, авария?

— В переулке? Вряд ли.

— Ну, может, сбили кого. Мало ли дураков? — пожала плечами Вера.

Они свернули, и переулок исчез из виду. Вскоре пока-

зался спорткомплекс — небольшое здание, которым София втайне гордилась. Когда-то её отец участвовал в его строительстве, и это был его первый объект в роли прораба. Раньше он был простым каменщиком, а здесь впервые взял на себя ответственность за целый проект — и справился на отлично. Снаружи спорткомплекс выглядел скромно, но внутри, как знала София, было всё необходимое.

Они вошли, поздоровались с охранником и подошли к стойке администратора. Девушка за стойкой приветливо улыбнулась:

— Девочки, добрый день. Ваша подруга уже пришла, ждёт вас в зале.

Они прошли в тренировочный зал и сразу заметили Лизу — она разминалась на коврике у зеркал, уже переодетая в спортивный костюм. Длинные белые волосы были заплетены в две аккуратные косички, милое круглое личико покраснелось. Увидев подруг, она помахала рукой и вскочила на ноги. Они обнялись — тепло, по-настоящему.

Лиза была невысокой, но бойкой. Пухлое, милое лицо, серые глаза, пирсинг на нижней губе — маленький серебряный шарик, придававший ей озорной вид. Пышногрудая — чему и Вера, и София втайне сочувствовали, потому что спина у Лизы болела часто, хотя иногда и немного завидовали. Тоненькие ножки, руки, которые сама Лиза считала толстыми и вечно прятала в рукавах, хотя девочки её постоянно убеждали, что это не так. Она не работала в обычном понимании

этого слова — принимала клиенток на дому, делала маникюр два-три раза в неделю. Ровесница Софии, познакомились они много лет назад на торжественном вальсе в честь Дня Победы. Они учились в разных школах, но в тот день оказались на соседних лавочках, разговорились — и как-то само собой пошло дальше. Лиза уже была замужем и довольно удачно — за добрым и хозяйственным Сергеем, который в ней души не чаял.

— Вы пока переодевайтесь, а я ещё немного разомнусь, — сказала Лиза.

Они с Верой отправились в раздевалку. Раздевалка была почти пуста, только пара девушек, уже переодетых в спортивные костюмы, выходили в зал.

— Кстати, Соф, мы тебе не говорили, — сказала Вера, натягивая леггинсы. — Лиза теперь официально со мной работает.

— Да ладно! — София обернулась. — Она перенесла свое детище?

— Ага, — кивнула Вера. — Все приборы, лампы, баночки — всё теперь в салоне. Теперь мы компаньоны. Так удобнее, и клиенткам приятнее приходиться в нормальное место, а не на квартиру.

— Девочки, это же здорово! — София искренне обрадовалась. — Поздравляю!

— Спасибо, — ответила Вера и как-то странно переглянулась с вошедшей Лизой.

София повернулась к своему шкафчику, вставила ключ, повернула — и в этот момент дверца резко распахнулась сама, а оттуда вылетели разноцветные воздушные шары и облако конфетти.

— С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!!! — заорали Вера и Лиза у неё за спиной, и тут же громко бахнули хлопушки.

София подпрыгнула на месте, схватившись за сердце. Она стояла, осыпанная блестящими кружочками, с выпученными глазами, а подруги уже набросились на неё с объятиями.

— Думала, мы забыли? — торжествующе спросила Вера. И ведь правда — вчера они её не поздравили. София, занятая событиями дня, даже не обратила на это внимания. А они, оказывается, всё помнили.

— Вы вы — только и смогла выговорить она.

— Загляни в шкафчик, — подсказала Лиза.

София заглянула. За остатками конфетти, за шарами лежал красивый конверт — бежевый, с тиснёными сердечками, плотный и приятный на ощупь. Она открыла его и замерла. Внутри лежали два билета. Первый — на самолёт до Антальи. Второй — в отель, пятизвёздочный, с фотографиями лазурного моря и белоснежного пляжа. Тот самый отель, куда они втроем когда-то мечтали съездить вместе, рассматривая картинки в интернете долгими вечерами.

— Девочки — прошептала София, не зная, что сказать.

Вера и Лиза стояли рядышком и ехидно улыбались.

— Думала, это всё? — спросила Лиза и театральным же-

стом достала из-за спины ещё два точно таких же конверта.
— Та-дам!

— Билеты — это пустяк, — добавила Вера. — Главный подарок — исполнение мечты. А точнее — компания твоих любимых друзей в путешествии.

У Софии выступили слёзы на глазах. Лиза и Вера тут же подошли, обняли её с двух сторон.

— Ну что ты, не плачь, — зашептала Вера.

София шмыгнула носом, всхлипнула и вдруг сказала:

— Такой подарок испортили!

И рассмеялась сквозь слёзы. Подруги на мгновение замерли, а потом тоже засмеялись и начали показательно её ругать:

— Ах ты неблагодарная! Всё, забираем билеты обратно!

Поедем вдвоём!

— Нет-нет-нет! — София прижала конверты к груди. — Не отдам!

Она от души поблагодарила их, и все трое, ещё раз обнявшись, в весёлой и тёплой атмосфере вышли в зал.

Народу и правда было немало. Спортзал был довольно просторный, но не особо уютный. Старенькие тренажёры, местами облупившаяся краска на стенах, железные балки под потолком, гантели и штанги, аккуратно сложенные на стойках. В целом весь необходимый инвентарь имелся, но не хватало той глянцевой новизны, которая бывает в современных фитнес-центрах. Это место больше походило на андерграундный бойцовский клуб из фильмов, чем на место для

девушек, но особого выбора в городе не было, поэтому приходилось заниматься здесь.

Они начали с разминки — лёгкая растяжка, наклоны, повороты. Потом перешли к кардио. Прыжки, бег на месте, махи ногами — всё в быстром темпе, почти без остановок. Вера задавала ритм, а остальные подстраивались. Через час они были мокрые, но довольные. Ещё час силовых упражнений — и вот уже мышцы приятно гудят от усталости.

После двухчасовой тренировки они, раздумываясь и запыхавшись, вернулись в раздевалку. София потянулась к шкафчику за одеждой, но Лиза остановила её:

— И это ещё не все подарки на сегодня.

— Да ладно! — София округлила глаза. — Вы и так уже подарили мне путёвку!

— Ага, — Вера достала из своего шкафчика сложенный листок бумаги. — Теперь тебе надо угадать, что дальше. Мы знаем, как ты любишь загадки.

Она протянула листок Софии. На нём был нарисован от руки кроссворд — с нумерованными клеточками и старательно выведенными стрелочками.

София от души рассмеялась:

— Вы как маленькие, честное слово!

Тогда Лиза достала второй листок — с вопросами.

— Раз мы как дети, значит, ты быстро разберёшься, — сказала она. — А когда разберёшься — отправимся за вторым подарком.

Вопросы оказались с выдумкой — и на логику, и на кругозор. «Какое слово в русском языке пишется с тремя буквами „е“ подряд?» — «длинношеее». «Что можно приготовить, но нельзя съесть?» — «уроки», хихикнула София. «Какой цветок называют символом солнца в русской культуре?» — «подсолнух». «Какого цвета чёрный ящик в самолёте?» — «оранжевого». «Самый нелюбимый фрукт Веры, от которого у нее аллергия?» — «киви».

Кроссворд оказался не то чтобы сложным, но и не примитивным — над парой вопросов Софии пришлось задуматься. Когда она вписала последнее слово, девочки переглянулись.

— Ну вот, — наигранно расстроилась Вера. — Мы старались, придумывали

— Ну что вы, — София их успокоила. — Это было очень приятно. И честно скажу, над одним вопросом мне пришлось серьёзно подумать.

— Над каким? — оживилась Лиза.

— Над этим, с «длинношеее». Я всё время путаю, сколько там «е» на конце.

— Выпендрейница, — фыркнула Лиза, и все трое рассмеялись.

Слово, которое собралось по первым буквам ответов, гласило: «Домик у пруда». В начале лета, на день рождения Лизы, они отдыхали в этом месте, и Софии там безумно понравилось. Ехать туда было около часа.

— Вы серьёзно? — прошептала София. — Мы едем туда?

— А то! — Вера подхватила сумку. — Поехали!

Они переоделись, вышли из спорткомплекса и сели в машину. На часах было около двух, и впереди их ждал ещё один подарок.

Всю дорогу Лиза и Вера наперебой рассказывали, как они придумывали вопросы для кроссворда. Как спорили, будет ли слишком легко или слишком сложно. Как Вера хотела вставить вопрос про столицу какой-то далёкой страны, но Лиза сказала, что она сама этой столицы не знает, так что это нечестно. Как они полночи сидели в интернете, выискивая интересные загадки, и переругались из-за того, сколько клеточек должно быть по горизонтали.

Вскоре они свернули с трассы на просёлочную дорогу. Вокруг раскинулись поля, подёрнутые лёгкой дымкой приближающегося вечера. Золотистая пшеница сменялась островками диких цветов — ромашек, васильков, иван-чая. Потом потянулись перелески: стройные берёзы с белыми стволами, тенистые дубы, кусты орешника. Солнце, клонившееся к закату, пробивалось сквозь листву, и дорога перед ними была усыпана дрожащими золотыми пятнами. За окном пахло травами, нагретой за день землёй и чем-то ещё — сладким и неуловимым, как в детстве.

Наконец показался знакомый указатель. Они въехали на территорию базы отдыха — было около пяти вечера. Большой участок, на котором разместились четыре деревянных домика, баня, бассейн, пруд и беседки. Всё было обустрое-

но с удивительным вкусом и любовью: красивая плитка на дорожках, ухоженный газон, повсюду клумбы с цветами. На самом пруду — небольшой деревянный причал с крытыми скамеечками, где так приятно было сидеть, болтая ногами над водой. А в центре, под раскидистыми деревьями, стояла большая беседка с массивным деревянным столом и печкой, в которой обычно готовили шашлык.

— Красота-то какая, — выдохнула София, выходя из машины. — Я бы здесь жила.

Девочки вошли в административный домик. За стойкой их встретил парень — очень высокий и очень худой, с аккуратной бородкой эспаньолкой, которая, казалось, подчёркивала его худобу ещё сильнее.

— Добрый день. У вас заказано? На чьё имя?

— На Фролову Елизавету, — ответила Лиза. — Домик с пяти вечера.

Парень сверился с записями, переспросил данные, уточнил время заезда и выезда и сказал:

— Спасибо, что выбрали нас. Прошу за мной.

Они вышли из административного домика и по красивой дорожке, усыпанной маленькими фонариками, которые только начинали загораться в наступающих сумерках, прошли к другому домику — уютному, с резными наличниками и крылечком.

— Хорошего отдыха, — сказал парень и удалился.

Девочки скинули одежду, надели халаты и отправились в

баню. Та была жаркой, пропитанной запахом дерева и трав. Они плескали на камни воду, дышали горячим паром, хлестали друг друга вениками и болтали, болтали без умолку.

— Кстати, — сказала София, раскрасневшаяся от жара, — я вам не рассказала. Ко мне тут друг детства приехал. Вова.

— Вова? — переспросила Лиза. — Это тот самый Шерлок, с которым вы в школе бегали? Помню его, он ещё вечно с тобой на переменах спорил о каких-то загадках.

— Он самый, — София усмехнулась. — Представляешь, стал следователем. И так изменился — ты бы его не узнала. Подтянутый, красивый Я на него смотрела и краснела как дурочка.

— О-о-о! — протянула Вера, которая Вову не знала, но зато отлично знала Софию. — София покраснела! Ты влюбилась!

— Ничего я не влюбилась! — запротестовала София. — Это просто здесь очень жарко!

— Влюбилась-влюбилась, — подхватила Лиза. — Давно мы от тебя такого не слышали. Ну-ка, рассказывай подробнее!

И София рассказала: и про встречу на остановке, и про то, как он смотрел на неё, и как заботился вечером, и про его бицепс, и про то, как он отдал ей ветровку. Девочки ахали, смеялись и подкалывали её без остановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.